

Глава 10
ЕНАФЪЯ

Недавно я вновь раскрыл экспедиционный дневник, который летом 1977 г. вела наша небольшая группа из трех археографов, искавших в селах Зауралья памятники древней русской письменности и печати.

Еще в конце прошлого века в этих краях активно переписывали древние книги, их бережно хранили. Наши свердловские коллеги тем же летом обнаружили здесь хороший список яркого рассказа о восстании московских стрельцов в 1681 г., знаменитой Хованщине, подавленной правительством царевны Софьи. И хотя на нашу долю древних книг в этих деревнях уже почти не осталось, места эти запомнились надолго: нам было суждено узнать здесь о куда более близких трагических событиях, снова узнать о ГУЛАГовских этапах, но уже от самих этапирюемых.

* * *

На подворье Енафьи Кирилловны, старухи лет под восемьдесят, и в просторном ее доме все свидетельствовало о зажиточности. Ее зять неплохо зарабатывал, было и небольшое приусадебное хозяйство. В сундуке Енафьи хранились яркие народные одежды былых времен. Она с удовольствием позволила сфотографировать себя в них. И ничто не предвещало драматического накала бесхитростного ее рассказа о своей жизни. Два вечера слушали мы негромкий размеренный ее голос, лишь изредка перехватывавшийся волнением от воспоминаний о прошлых страданиях.

Двух лет Енафья осталась без матери, воспитывалась у теток. Пришлось ей и батрачить на зажиточных односельчан — деревня была из богатых. Тетки выдали ее замуж почти без приданого за парня из той же деревни. Брак был по любви и оказался счастливым, молодые жили дружно и безбедно. К чужому труду не прибегали — кулацким это хозяйство не было. Третий ребенок появился в семье Енафьи и Кирилла, когда пришел 1930 год.

И хотя имущества в этой семье было куда меньше, чем в 1977 г., они попали под раскулачивание. У Енафьи была очень бесполезная в тех условиях справка о том, что раньше она была батрачкой, — эта справка могла бы ее избавить от ссылки, но она решила разделить судьбу мужа. Младшему ее мальчику было несколько месяцев. Но у семьи — одна участь.

Сначала всех раскулаченных привезли в Тюмень, имущества — что в руках могли унести. Енафья ухитрилась захватить с собой швейную машину, которая не раз потом выручала их семью: Енафья шила женам разных начальников, иногда за это бывали кой-какие послабления. Вообще режим, судя по ее рассказам, меняли часто. Известные игры. На окраине Тюмени за колючей проволокой провели почти год, семью при этом не разделяли. Енафье удавалось даже иногда доставать с воли кое-какое продовольствие, в другие дни голодали. Умер четырехлетний сын.

Потом их сослали за Красновишерск, верст 50 севернее, на лесоповал. Я не очень-то было поверил рассказу Енафьи о том, как их встретил начальник спецпоселения Килин. По ее словам, он был из помещиков и, не скрывая этого, открыто торжествовал перед сосланными крестьянами: «Вы не кулаки, а дураки, в 1917 году помещиков громили, а сейчас власть по вам же и ударила». Уж больно неправдоподобной показалась мне сначала эта сцена, эта откровенность, но старуха не смогла бы выдумать такого.

Мужчины работали на лесоповале. У Кирилла было еще немало сил и крестьянской хватки в обращении с пилой и топором. Енафья вспоминала, что через год он был отмечен как передовик. В поселении все сильнее стало не хватать продовольствия, мука оказалась гнилой, да и той было слишком мало, с подвозом не спешили, и петля голода затягивалась все туже. Вспыхнула цинга. Прибыли в это поселение человек 450 ссыльных, но через несколько месяцев в живых остались меньше 50.

Умер и младший сын Енафьи и Кирилла, полутора лет, а однажды днем, прямо на лесоповале, Кирилл не смог справиться с очередным «баланом» и упал близ него. Енафья кинулась к какому-то начальнику (уже не Килину, другому), семью которого она тоже обшивала, добилась положительной резолюции на своей письменной просьбе о временном освобождении мужа от работы.

Все тем же размеренным старческим голосом рассказывала Енафья о его последней ночи. Кирилл пришел в себя из полузабытья и вдруг запел тихим голосом, попросив ее подтянуть. Вдвоем под ругань измученных соседей, которым опять с утра было идти в лес, они спели несколько тех деревенских протяжных песен, что пели у себя на родине еще перед свадьбой. К утру его не стало.

Енафья поняла: здесь неминуемо ей последовать за мужем и решилась на отчаянное. Подговорив с собой подругу, она, пока еще оставались силы, ушла с ней в побег: женщин не так стерегли. В поселении осталась ее дочь.

Немногословно изложила она историю самого побега, так и не поведав, как удалось им выбраться из охраняемого поселения, как шли, едва живые, первые десятки верст. Потом устроились в каком-то хозяйстве копать картошку. Но вскоре их тут схватила команда, ловившая беглых. Енафье, однако, удалось еще до того, как их вернули в зону, откупить у одного конвоира себя и подругу. В уплату пошла кра-

Енафья

сивая шаль, захваченная Енафьей еще из дома. Затем опять долгие версты пешком. Их поймали второй раз, но опять обошлось: обеим удалось бежать с дороги.

В конце концов они добрались до железнодорожной станции. Выяснилось — можно просто взять билеты и ехать. Домой, конечно. Де-

нег у обеих не было. Но тут оказалось, что Енафья ухитрилась-таки припрятать на этот случай пару золотых сережек. Так удалось вырваться из-под Красновишерска. Подруга Енафьи отделилась от нее еще на Урале, у нее были какие-то свои планы, и она звала ее с собой, но Енафья думала только о доме. Больше они не встречались.

Нашей собеседнице удалось добраться до родных краев, опять повидать Ирюм. Ее укрыли какие-то родственники неподалеку от той деревни. Но прошло лишь несколько дней, и на нее донесли. И Енафья была отправлена по этапу назад. В Тюмени опять была остановка, снова Енафья оказалась в той же зоне, где недавно еще жили всей семьей и где умер ее сын. На этот раз она была одна и решила воспользоваться давней справкой о том, что она работала батрачкой. Дело, конечно, не только в справке, были разговоры со знакомыми начальниками, кто-то сжалился, помог написать какую-то бумагу. Одним словом, чудо — выпустили! Велели ехать в родную деревню и ждать. Какого еще решения — неясно, хоть и свободная, но не вполне.

Жила, страхась завтрашнего дня. Об оставленной в спецпоселении дочери — не узнать. И тут за ней стал ухаживать односельчанин, но какой — председатель сельсовета, партиец. Енафья рассказывала, как долго колебалась, а потом все же решилась пойти за него замуж. Вот тогда-то положение ее упрочилось, и через год-другой она рискнула попытаться вернуть из ссылки дочь. При деятельной помощи второго мужа это удалось.

Теперь все страшное было позади. Но у Енафьи росла новая тревога. Пройдя через столько мук и опасностей, она не могла не верить, что лишь чудом осталась жива, вернулась на родину. И вера отцов возродилась в ней, тем более что Енафья была привычна к обычному кругу старообрядческой службы и литературы, лет с 12 умела читать не только кириллические, но и крюковые книги (крюки — древнерусская музыкальная нотация). А в традиционной старообрядческой среде ее второе замужество, брачный союз с представителем власти, числившимся к тому же атеистом, был делом не очень-то похвальным. И Енафья исподволь стала обращать своего мужа в старообрядчество урало-сибирского согласия «часовенных». Далеко не сразу ей это удалось. Енафья совершенно четко считала это своим оправданием. Некоторое время ее муж жил в подобном, так сказать, «двоеверии», отвечая немногим посвященным, что на лбу у него вера не написана. Никто не выдал его, а уже в старости он, сославшись на болезнь, окончательно отошел от дел общественных, незаметно как-то вышел из КПСС. Похоронили его по всем старинным правилам.

Енафья охотно показала нам свои книги; несколько крюковых рукописей, имевших научную ценность, она уступила Сибирскому отделению Академии наук. Вера ее была лишена фанатизма — она держала в доме, читала и «мирские» книги, одобряла работу зятя, признавала современные лекарства, пела иногда светские песни своей молодости.

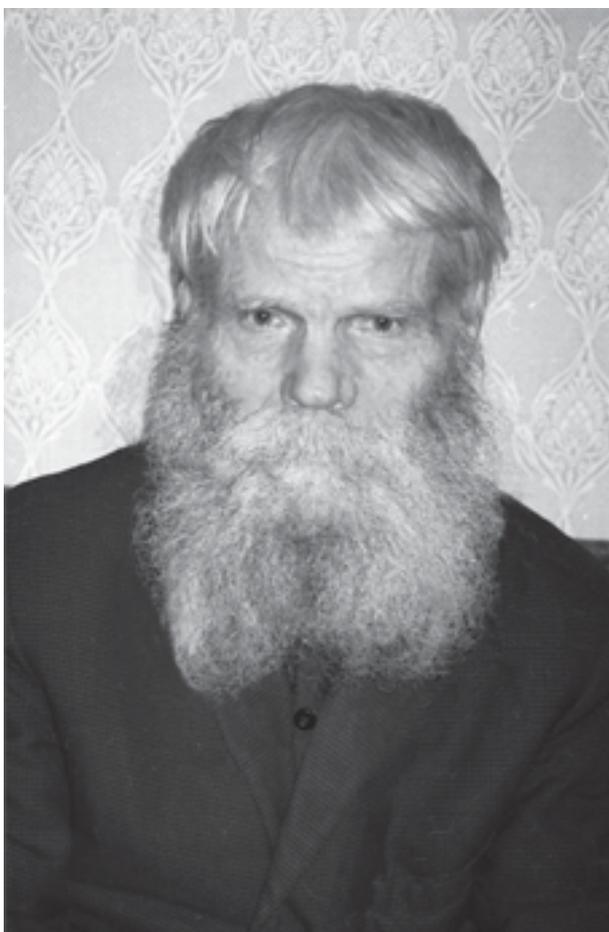
Глава 11
ПАТЕРИК

Во второй мой приезд в скит отца Палладия за мною, оказывается, пару дней тайно наблюдал гостивший там в то же время посланец скитов Нижнего Енисея сибирский крестьянин Иван Маркелович. Все четверо участников нашей экспедиции, конечно, не были стеснены в своих передвижениях по избушкам обитателя Палладия, но без приглашения мы в них не заходили, и пути наши тогда с Иваном Маркеловичем не пересеклись. Видимо, он, вернувшись, плохого о нас не поведал, староверы Нижнего Енисея стали постепенно присматриваться и привыкать к работе новосибирских археографов, у меня завелись первые, еще очень непрочные, заочные знакомства с нижнеенисейскими часовенными.

Но лишь спустя четверть века наших поисков мне удалось познакомиться с человеком, несомненно, выдающимся — с самым талантливым на мой взгляд писателем-старовером XX в. Афанасием Герасимовичем Мурачевым. Его зажиточная семья когда-то жила в верховьях р. Бии, но в 1928 г., конечно же, была раскулачена; ночной побег спас тогда родителей Афанасия и его самого от ареста, и начались их многолетние скитания в поисках укромных убежищ. Они ушли на север и одно время прятались в глухой Нарымской тайге в бассейне болотистых левых притоков Оби. Но когда эти края сделают местом водворения спецпереселенцев, одним из островов ГУЛАГа, Мурачевы станут уходить и от комендатур, и от колхозов все дальше на восток. В 1940 г. Афанасий один перебирается на притоки Енисея, долго скитается, терпит голод и нужду, а в 1947 г. уходит бельцом в знаменитый среди часовенных Сибири Дубчесский скит, став учеником его влиятельного игумена и умелого писателя-полемиста о. Симеона.

Через полвека Афанасий Герасимович, известный наставник и автор многих ярких сочинений, уже седобородый старик, появился в моем доме в Академгородке, на Золото долинской, с удивительной легкостью проделав долгий путь из восточносибирских лесов. Он уже года два-три издали приглядывался ко мне, проверяя рассказы общих таежных знакомых (начиная с Ивана Маркеловича) о таком странном явлении, как путешествия по староверческим поселениям работников нашей археографической лаборатории и коллег из ГПНТБ. Его появление у меня совпало с тяжелым временем, когда от глупой медицинской ошибки смертельно заболела моя первая жена Зоя Васильевна Бородина, участница моих экспедиций начиная с тех самых

Писатель-старовер Афанасий Герасимович Мурачев. Фотография 2000 г.

поездок 1966–1967 гг. в скит о. Палладия. Она еще успела познакомиться с Афанасием Герасимовичем, мы вдвоем посмотрели пару привезенных им тогда рукописей, полюбовались моими альбомами древних икон Третьяковки и Русского музея.

Афанасий оказался стариком очень подвижным. Хотя таежное крестьянское хозяйство отнимало у него немало сил, он постоянно путешествовал по Сибири, навещая общины часовенных, иногда отправляясь и в Европейскую Россию. Несколько раз в последующие годы он приезжал и в Академгородок. Постепенно контакты с ним перешли в основном в ведение моей ученицы Натальи Дмитриевны Зольниковой. Афанасий, бывало, останавливался в ее доме на Морском проспекте (навещая каждый раз и меня на Золото долинской), она показывала ему коллекции древних и старообрядческих книг нашего института, чита-

ла и обсуждала в Академгородке (а затем и в доме Афанасия на Енисее) сочинения старцев Дубчесского скита, самого А. Г. Мурачева. В ходе этих многолетних контактов наше собрание рукописей стало пополняться все новыми и новыми сочинениями урало-сибирских староверов XVIII–XX вв.; большинство текстов не было ранее известно ни нам, ни другим исследователям, какие-то мы уже успели издать, но в совершенно иных редакциях. Все 1990-е гг. Наталья Дмитриевна и я постепенно вводили их в своих статьях и книгах в научный оборот. А в 2002 г. мы с ней опубликовали совместную обобщающую монографию, посвященную в немалой мере творчеству А. Г. Мурачева и историческим корням его сочинений. И в книге этой удалось проследить преемственный почти трехвековой путь урало-сибирской народной литературы староверов от Мирона Галанина и его предшественников до 90-х годов века двадцатого!

Дело в том, что из подаренных нам Афанасием Герасимовичем текстов сочинений дубчесских пустынников (включая его самого) сразу же обнаружился важный факт: скит о. Симеона был преемником того самого уральского скита, которым в XVIII в. руководили отцы Дионисий и Максим, а конце XIX в. — о. Нифонт. И в скиту этом никогда не терялась нить преемственного литературного творчества, там знали, бережно переписывали сочинения и Мирона Галанина, и о. Максима, и о. Нифонта. О «Родословии» о. Нифонта на Дубчесе вспомнили, когда в 1940-е гг. о. Симеон задумал и начал со своими учениками осуществлять главный литературный труд своей жизни — огромное собрание рассказов о жизни и подвигах пустынников главного скита часовенных и поддерживавших его крестьян — с XVIII в. до современности. Труд этот опытный дубчесский писатель, уже написавший к тому времени несколько ярких полемических произведений на волновавшие староверов богословско-политические темы, решил создать в традиционном жанре христианской литературы — жанре патерика. В этом жанре он развивает на многих примерах стойкости старцев трех веков перед лицом жесточайших преследований властей главную идею всего предыдущего своего творчества: силы зла именно в советское время стали особенно душепагубными, исполняются все указанные в древних христианских текстах приметы приближения царства торжествующего Антихриста. Недаром «пролетарская» власть насильно стогняет народ в колхозы, кооперативные и иные «союзы», а лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» говорит о давно предсказанном объединении всей земли Антихристом.

О. Симеон старался привлечь многих единомышленников к созданию своего большого исторического труда (он назвал его Уральским патериком, ведь в XVIII–XIX вв. скит его располагался на Урале,

но и Сибирь заняла в этом патерике немалое место, так что мы будем называть его Урало-Сибирским). Собрав полезные для этого труда книги Священного писания, труды отцов Церкви (в его скиту хранилось более 500 древних томов!), сочинения о. Нифонта, староверов XVIII в., труды местных историков, о. Симеон призвал пустынников, их родственников, близких к скитам крестьян записывать все, что было им известно о прошлых и настоящих деяниях монахов и монахинь, видных людей согласия часовенных. Рассказы эти собирались и редактировались в Дубчесском скиту, сам игумен даже учил своих крестьянских иноков каким-то основам литературного труда, ведению письменной полемики на заданную тему. Так возник первый том Урало-Сибирского патерика; после гибели о. Симеона в 1953 или 1954 г. в советском концлагере (в Озерлаге), его ученики продолжили Патерик в соответствии с выбранным учителем замыслом и приемами. В настоящее время он состоит из трех томов, включающих 212 глав, а последние описанные в нем события относятся к 1991 г. Во всей этой работе самое активное участие принимал Афанасий Герасимович, автор и редактор многих глав трехтомника.

В первых главах Урало-Сибирского патерика широко использовались «Родословие» о. Нифонта и его источники, а также продолжения «Родословия», написанные преемниками Нифонта о. Саввой и самим о. Симеоном. Так в Патерике возникает история главного скита часовенных от времен Дионисия и Максима до Нифонта и его учеников. Нифонт еще около 1882–1883 г. ощутил необходимость прискания для своей обители более укромных мест и перевел ее из западной части Среднего Урала, с р. Сылвы, на восток, в «тюменские пределы». Здесь, в Ялуторовском уезде Тобольской губернии, сравнительно недалеко от исетских сел, где когда-то звучали призывы к стойкости Мирона Ивановича Галанина, он размещает свой скит в лесу заимки братьев Калмыковых, крупнейших предпринимателей и весьма авторитетных старообрядцев, в 8 верстах от дома гостеприимных хозяев заимки. Но и здесь становится небезопасно. Около 1892 г., уже после смерти о. Нифонта (он умер 26.01.1890), в два приема основная часть скита переводится его преемниками о. Силуяном и о. Саввой на правобережье Оби, в бассейн р. Чулым, километрах в полугораста севернее Томска. Более чем за тысячу верст приходилось тайно перемещать хозяйство скита, а также огромное количество книг и икон. На Чулыме все создавалось заново даже не на пустом месте, а в таежных зарослях, где пустынники при трудовой поддержке нескольких семей тюменских и томских крестьян расчищали землю под пашню, ставили постройки и т. д.

Староверы-часовенные во время моления на Веселых горах (Урал), у могил основателей главного скита часовенных. Фотография начала XX века

Однако в 1917 г, когда по терминологии пустынников в стране настало «смятение», и здесь стало беспокойно, было решено сниматься и с этих уже обжитых мест. О. Савва с большинством скитожителей и поддерживавших их крестьян перебирается сравнительно недалеко, но в гораздо более глухие болотистые места левобережья Оби, на р. Парбиг (в «Кольванскую тайгу», как называли эти места сами мо-

Часовенные Невьянского завода у «большой» часовни. Фотография начала XX века

нахи). О. Силуян тогда же выбирает путь куда более долгий — на Дальний Восток, где создает с местными пустынножителями скиты на левом берегу р. Улунги, притока р. Бикин (Приморский край). После смерти о. Силуяна эта группа скитов будет разгромлена властями в 1932 или 1933 гг.

В феврале того же 1917 г., когда на запад и на восток разъехались скитожители с Чулыма, из старых насиженных тюменских мест близ Исети отправился на восток осколок скита о. Нифонта во главе с о. Игнатием. Он обосновался в верховьях Енисея; именно здесь в 1966 г. мы и посетили группу скитов, возглавлявшуюся преемником о. Игнатия о. Палладием и впервые познакомились там с книжицей в 8°, переплетенной в оленью кожу и содержащей сочинения уральских часовенных XVIII–XIX вв.

Вместе с мужским скитом отцов Нифонта и Саввы перемещались и женские скиты, бывшие под их руководством. Возникновение одного из них связано с именами инокинь-схимниц сестер Феодоры и Зинаиды. Скит их еще в 1870-х гг. располагался недалеко от скита о. Нифонта у д. Кедровки близ р. Сылвы. Около 1882–1883 г. основная часть этого скита переместилась оттуда вместе со скитом о. Нифонта в «тюменские пределы» на заимку Калмыковых. Когда в 1892 г. отцы Савва и Силуян переводили свой скит на правобережье Оби, за ними последовала часть инокинь во главе с иг. Мелетиной (Кунгурской), они в количестве 12 человек поселились на р. Юксе, в 10 верстах от Чулыма с его мужским скитом. В 1917 г. м. Мелетина переводит своих скитниц в Колыванскую тайгу близ Парбига, где только что обосновался переместившийся с правобережья Оби скит о. Саввы.

Другая часть тюменского скита м. Мелетины во главе с ее помощницей м. Александрой с заимки Калмыковых направилась в 1892 г. не на восток, а на запад — на Черную гору у д. Кедровки на Сылве. Но затем отсюда большинству скитниц пришлось уходить опять на восток, сначала, в 1912 г., сравнительно недалеко — под Нижний Тагил, а в 1922 г. — еще восточнее, на приток Пышмы р. Танаевку, что в 40 км на запад от Тюмени, где в XVIII в. был еще один значительный центр часовенных. Когда в конце 1920-х — 1930 гг., после начавшегося разгрома, группа женских скитов стала разъезжаться с Танаевки, часть монахинь уехала в Колыванскую тайгу, а другая часть во главе с преемницей м. Александры м. Еванфией сначала на несколько лет вернулась на р. Сылву, ближе к ее верховьям у д. Большая Бизь. В 1932 г. и этот скит отправился в Сибирь, в Колыванскую тайгу на р. Тавангу — поближе к скиту преемника о. Саввы о. Симеона.

В этом последнем перемещении участвовал еще один известный женский скит Урала — Сунгульский, об обитательницах коего Урало-Сибирский патерик рассказывает подробнее всего. Несколько глав и отдельных эпизодов Патерика посвящено членам двух уральских семей, игравших важную роль в истории этого скита. Это семьи Людиновских и Меренковых, живших в конце XIX в. в поселке Кыштымского завода близ Каслей. Хотя это был заводской поселок, известный

своим знаменитым литьем, обе семьи вели крестьянский образ жизни и были хорошо знакомы со всем циклом сельскохозяйственных работ. В будущем пустынноцами станут Татьяна Михайловна и Александра Михайловна Людиновскы (м. Тавифа и м. Алевтина), Елена Васильевна, Анна Васильевна и Мария Васильевна Меренковы (матушки Елена, Анатолия и Мелетина — «Сунгульская»).

Дети из обеих семей дружили между собой. Татьяна, старшая в семье Михаила Людиновска, родилась в Кыштыме в 1886 г.; на шестом году ее жизни, то есть около 1891 г., вся семья временно переехала в благодатные для хлебопашества сибирские края, в деревню Быструю на Среднем Енисее, под Минусинском. Там в этой семье примерно в 1894–1895 гг. родились дети Афанасий и Александра, будущие о. Антоний и м. Алевтина, а около 1902 г. семья вернулась на Кыштымский завод.

Другая семья — заводского жителя Василия Меренкова — из поселка не выезжала. Старшая дочь Елена родилась около 1882 г.; с семнадцатилетнего возраста она пыталась стать пустынноцей, и вскоре ей это удалось. В ее скит на озере Сунгуль через несколько лет, то есть около 1903 г., приходит ее десятилетняя сестра Анна вместе с третьей, восемнадцатилетней сестрой Марией и двумя сестрами Людинсковыми Татьяной и Александрой.

Сунгульский женский скит возник близ запустевшего к тому времени старинного мужского скита. Накануне создания женской обители, по свидетельству м. Анатолии, на Каслинском заводе делались попытки совмещения скитской жизни с семейным укладом. Историкам старообрядчества подобные попытки известны в разных регионах и в разное время. Но на Урале в конце XIX в. это не одобрили: незадолго до описываемых событий родители забрали назад девицу Феодосию Устиновну Дорогину (будущую сунгульскую м. Феклу) из подобной кельи на Каслинском заводе, где некий о. Никон жил вместе со своей женой и дочерью. Вскоре в келью на Сунгуле ушла семнадцатилетняя Елена Васильевна. Там жила мать Феодосии и еще три старушки, соблюдавшие монашеский устав, не будучи постриженными в монахини. Отец, однако, вернул Елену домой. Родители согласились отпустить Елену и Феодосию в сунгульские кельи лишь около 1900 г., когда там появилась первая монахиня — черница Ксенофония. Вскоре обе «сия девицы получили ангельский чин: Феодосию накрывала м. Глафира, нарекла ее черницей Феклой, а Елену — о. Григорий, имя ей не переменял».

Так начиналась история нового скита. Вскоре население скита превысило сорок человек, а в голодные 1921–1922 гг. обитель пришлось разделять и перемещать все дальше на восток в поисках убе-

жища от властей. Но при всех этих сложных перемещениях сунгульские старицы сохраняли удивительно прочную связь, преемственную систему авторитетов.

Каждый раз было очень тяжело расставаться с обжитыми местами, с таким трудом отвоеванными у тайги. Понятно поэтому, что пустынные сочинили немало поэтических плачей по оставляемым скитам с их часовнями, налаженным хозяйством, могилами прежних наставников. Несмотря на целенаправленное уничтожение старообрядческой литературы властями, несколько из таких плачей нам удалось скопировать. Во время первого перемещения Сунгульского скита, когда сначала должны были уехать в тюменские края более молодые пустынноцы, «м. Елена пишет к рассеянному посланье» с наставлениями. Оно начинается так: «Мир вам, возлюбленные мои дочери и во Христе духовные сестры, отлученные овчата от своих матерей и рассеянное мое стадо по всем странам Вселенной! Избранницы Божия и странницы, повсюду залетные птицы, не имеющей своего гнезда, залетевшие за далекие версты на чужие поля. Не видите превысоких Сонгульских гор и Сунгульского моря, оставили вы прекрасную пустыню и премою Сунгульский край, а он точно как едемский рай».

Ныне близ этих райских мест, близ Кыштыма и Каслей,— иная пустыня, созданная страшной атомной катастрофой 1957 г. До истоков радиоактивной реки Теча рукой подать. Апокалиптика нашего века. Могла ли даже помыслить матушка Елена об этой другой модели отношений человека с природой? «Лицевой» (иллюстрированный) Апокалипсис она не раз держала в руках.

После смерти в 1927 г. м. Елены Сунгульский скит был окончательно ликвидирован властями, но многие его инокини смогли укрыться в других женских скитах в пермских и тюменских пределах. Затем они также перебрались в Кольванскую тайгу, на р. Тавангу и Каргу, под покровительство отцов Саввы, Симеона и Мины.

До нас дошел в главе 14 второго тома Патерика страшный при всей своей бесхитростности рассказ одной из сунгульских пустыниц м. Анатолии (Меренковой), которая вместе с другой старицей, м. Валентиной, добиралась позднее других, в 1932–1933 г. с Урала на Тавангу. Они передвигались по западносибирскими селам, опустошенным искусственно созданным властью голодом. За время пути старицы несколько раз едва не умерли с голоду, иногда получая хоть какую-то помощь от крестьян, местных или же сосланных «кулаков». Приведем без комментария одну, не самую мрачную, выдержку из этого рассказа.

«Хлеба мы купили в Новосибирске печенаго немного, нам сказали: „Дорогой лучше купите хлеба“. А когда мы поехали дальше Пара-

белию, хлеба вовсе не стало, ни фунта не купишь. Тут люди живут выселенцы, они сами полумертвые от голода, и многие умерли с голода. Мы тогда совершенно обезхлебели, изнемогаем от голода. Мать Валентина больна, у ней рука сильно болела — и питаться нечего. Только плачет и плачет, говорит: „Наверно придется умирать на чужей стране, и нет верных людей, никто нас и знать не будет из наших братьев и сестер“. Проехали мы около 100 верст своей силой, больше не можем работать. Где купим кринку молока, где кортовочек немного, больше нет ничего.

Доехали до какой-то деревушки, вышли на берег и сидим, ждем катера, может нас подвезут. Просидели двое суток, а катера нет, и поест у нас нечего. И вот вечером сидим и горюем, подходит к нам мужчина и спрашивает: „Вы что здесь сидите долго и куда едите?“ Мы ему объяснили свое горе, едем ко своим, но работать не можем на лодке, обезсилели, и хлеба купить не можем, никто не продает. Он ушел, вечером опять пришел, погоревал с нами и говорит: „Может бы кто продал, да никак нельзя, преследуют“. Мы осмелились его попросить: „Если возможно, сотвори милость, не дайте нам помереть в дороге“. Он говорит: „Вот как потемне[е] будет, люди упокоятся, вы придите ко мне, я живу за деревней в бараке, я вам сколь-нибудь уступлю хлеба“. И когда стало темненько, мы пошли, потти боимся, и нужда заставляет пойти. Нашли его квартиру, и он нам продал большую булку хлеба, кринку молока и два яйца. И вот, слава Богу, пока опять живы.

С этой булкой мы ехали более ста верст до поселка Старицы».

И во время всех тысячеверстных перемещений скитов с их немалым имуществом, и при обустройстве в новых местах в 1892 г. на правом берегу, а в 1917 г. на левобережье Оби пустынникам постоянно оказывали немалую и весьма необходимую помощь крестьяне нескольких семей. Одни из них (например, родственники о. Саввы Мягковы) помогали скитам еще на Урале и передвигались на Обь вместе с монахами. Другие познакомились со скитниками уже в Сибири. Среди последних, кроме упомянутого уже А. Г. Мурачева, назовем алтайского крестьянина Иерона Алексеевича Потанина, семья которого скрывалась от властей в Колыванской тайге, на Парбиге, а затем ушла от колхозов на восток, к Енисею. Иерон приносил в женские монастыри продукты, подарил монахиням лошадь, помогал о. Симеону разведывать тайные дороги при переселении, возрождать скиты на новых местах. Позднее он станет одним из самых интересных авторов Урало-Сибирского патерика.

В Колыванской тайге расселились в конце концов в глухих болотистых местах на реках Парбиг, Корга, Таванга и главный мужской скит ученика Нифонта о. Саввы, и уральские женские скиты. В скит

о. Саввы в 1919 г. придет его будущий преемник ишимский крестьянин Сафон Яковлевич Лаптев, который будет пострижен под именем о. Симеона. Но эти же суровые края облюбует и чекистское руководство для масштабной всесоюзной операции по ликвидации более зажиточной части крестьянства — «мужичьей чумы», по четкому определению А. И. Солженицына.

Одно время скитские старцы и старицы в Кольванской тайге на левобережье Оби как-то непостижимо уживались с антихристовым миром ГУЛАГА, но неизбежность очередного перемещения подальше от властей стала вскоре очевидной. В 1933 г. ряд крестьян, поддерживающих тесные связи со скитами, а также несколько наставников, были арестованы.

Ученик и преемник умершего в 1928 г. о. Саввы о. Симеон зимой 1935–1936 гг. и затем еще раз (21 мая 1936 г.) отправил на разведку тайных путей на восток мужественного и опытного землепроходца о. Антония (в миру Афанасий Михайлович Людиновсков, 1895–1977). Он выведдал и дальние укромные места в бассейне Енисея, и тайные пути к ним в обход опасных населенных пунктов. Десятки пустынников, отцов и матушек, вместе с их верными крестьянскими почитателями из мирян переселились несколькими группами, разбив весь путь на три-четыре отрезка. Забирали все «божество» (иконы, книги, лестовки, поручи, ризы), минимум продовольствия и семян, рыболовную снасть, гнали через тайгу скот. Строили в промежуточных пунктах тайные укрытия в лесу, в одном таком укрытии у д. Безымянка (у р. Малый Кас, близ запущенного Обь-Енисейского канала, сразу же за водоразделом этих двух великих рек) задержались надолго, там похоронили одну из основательниц Сунгульского скита м. Феклу и ее верную помощницу м. Мелетину. Великий переход этот в пару с лишним тысяч верст начался в 1937 г. и в основном завершился весной 1940 г.

О. Антоний позднее записал для потомков свои воспоминания об этой труднейшей миграции. Он подробно повествует о своих путешествиях 1936–1940 гг.: о скрытном передвижении за тысячи верст небольшого разведывательного отряда землепроходцев, о выборе места для поселения и о поэтапном перемещении туда нескольких десятков пустынников, а также связанных с ними общей целью крестьянских семей. По разведанному пути с о. Антонием отправились Кирилл Яковлевич Лаптев и шестеро старцев и стариц. «Повезли книги, иконы и прочий багаж. Дорога была опасная, много было страха у путешественников, но десница Божия покрывала их. Опасные места ехали по ночам». Власть что-то узнали о них, их разыскивал некий «председатель». Близ заимки Козловой, где еще жили единоличники,

дорога раздваивалась. Старцы знали, что «председатель» поехал по какому-то из двух путей, но не знали по какому. «Отец Антоний ехал впереди и, не доезжая до своротка, он заповедает коню: если нет на Козловском председателя, дабы своротил на Козловскую, а если он там, то прямо иди на Вьюркову». Конь свернул на Козловскую, а «председатель» в тот день оказался на Вьюрковой. Переночевали спокойно, за следующий день ушли далеко от опасных мест, крадучись пересекли проезжую дорогу. На следующей ночевке их настигли.

Но даже в те страшные времена бюрократическая разобщенность разных частей механизма подавления давала иногда надежду на спасение. Пустынников догнал вооруженный отряд, имевший свою четкую задачу: изловить хозяина приютившей их избышки, некоего Нестора. «Сей Нестор сбежал из тюрьмы, скрывался. При путешественниках пришел, поужинал и скрылся. Ночью приехал начальник Анковады (! — *Н. П.*) и с ним еще двое искать Нестора. О. Антоний еще не спал, пошел наружу и точию спустился с крыльца, подскочил к нему начальник, ударяет пальцем в грудь и вопрошает его: Слушай, хозяин, а хозяин где? О. Антоний думает: если скажу, что был хозяин дома, то буду Июда предатель. А если скажу — не был, то ведь нас 8 человек и могут иные сказать, что был дома, и тогда начальник может даже меня забрать. И, наконец, заключил в уме не быть предателем, ответил ему резко: Не видал никакого хозяина». Остальные, не сговариваясь показали то же. Отряд НКВД тут же уехал.

Скиты постепенно один за одним передвигались к разведанным местам близ Безымянки, там одно время собрались пустынножители из разных частей Пермского и Сунгульского женских скитов, уральского скита Максима — Нифонта — Симеона с черноризцами и крестьянами, примкнувшими к ним в Колыванской тайге. А разведчики во главе с о. Антонием тем временем искали пути во все более глухие, все менее пригодные для жилья болотистые места севернее Каса, по р. Кольчум — южному притоку р. Сым, и по самой р. Сым, впадающей слева в Енисей близ с. Ярцево:

«С 10 сентября 7446 г. (1937 г. — *Н. П.*) братия отправились на большой лодке на Сым. О. Антоний с тремя старушками, м. Павлиной, м. Акинфой и м. Евгенией пошли пешком на р. Колчим, там была у него оставлена лодка и сети. Продуктов взяли на 10 дней. Спустились в Сым, у Долгого Яра дождали лодку, лодка пришла чрез 18 дней, недостаток хлеба рыбой заполняли. На лодке плыли до 12 октября, дорогу лед закрыл, 25 верст до Брусова на нартах возили. Тут поставили одну келию, а другую для стариц не стали делать, потому что начальство стало призирать, начальник хотел к ним ехать, выпросил из сельсовета пару оленей и враз раздумал, стало быть ему Господь не попустил». Но ле-

том о. Антоний узнал, что его собираются вот-вот арестовать, и путешественникам пришлось срочно «бегством спасаться» — «на Сыму жизнь не состоялась».

Дальнейшее изложение изобилует описаниями труднейших переходов. «Обратно пошли с Михайлова дня двое, о. Антоний и о. Виталий, на лыжах, у них не хватило хлеба на 4 дня, шли голодом, да еще был тогда мороз»; с трудом дошли до деревеньки, «жители дали им ведро муки и с ним дошли до места». «А с 6 декабря, с Николы... братия все пошли на лыжах с нартами на Безымянку напрямки, оставили одного о. Максима. Подъему не было, дни коротки, ночи морозны и без хлеба, точию на одной заварушке жиденькой, одну кружку на человека, а когда и на пятерых 4. Дошли с Божией помощью благополучно до о. Симеона и пояснили о местах все». «А весной паки пешком отправились» дальше, «да еще со скотом. И помыслили, за толико дальнее расстояние, около 200 верст, сколько было трудностей и опасностей: реки, рема, непроходимья галеи и ломашники¹, и с котомками, да и на коровах тоже котомки. И вся сия минули за отеческия молитвы с Божиею помощью благополучно, а попечение все и руководство опять же на о. Антоний» — прибавляют к рассказу о. Антония другие участники этого перехода.

После возвращения о. Антония на Безымянку по общему совету с о. Симеоном было решено всем перебираться в еще более северные по сравнению с Сымом места — на левый приток Енисея р. Дубчес. Весной 1939 г. в новую разведку ушли отцы Антоний, Иосиф и Виталий, и пока некие «сыщики» разыскивали их, они, прячась в тайге, разведали тайные тропы на Дубчес и сообщили о них о. Симеоны.

В созданном в скиту о. Симеона и его преемника о. Антония Урало-сибирском патерике есть и другие рассказы об этом переселении.

Трагическое завершение при почти идиллическом скитском начале имеет одна из глав патерика: «О отце Георгие и матушке Павлине, с рукописи и от сказания о. Антония». В Кольванской тайге о. Георгий был келарем (экономом) обители и отличался исключительным трудолюбием. Автор его жития вспоминает о тех недолгих временах сытости с некоторой ностальгией по хорошо освоенному поселению на плодородной земле, которое пришлось покинуть, снова оставив зарастать лесом участки тайги, раскорчеванной за годы изнурительной работы, переселяясь в суровые, бесплодные края. Для всего образа мыслей крестьян-пустынножителей очень характерно, что весь рассказ пронизан и народной трудовой этикой, и христианскими

¹ Рема — пойменные кустарники; галея — открытое болото; ломашник — хворост.

идеями смиренного, но непреклонного неприятия мира зла. Соединение того и другого — в популярнейших у старообрядцев заветах раннехристианского социализма, от афористичной формулы апостола Павла «кто не работает — тот не ест» до нравоучительных напоминаний инокам аввы Дорофея и Ефрема Сирина о том, что монашеские общины обязаны кормиться плодами рук своих.

О. Георгий показан в патерике как образец смирения (он говорил даже, что недостойн христианского погребения) и как неутомимый работник, добровольно выполнявший работу за двоих. Именно потому Святой Дух благословил его труды и им сопутствовал успех: «А хлеб пек зело хороший, корки никогда толстой не было, и сырого тоже не было. И всю пищу приготавливал вкусно для питания братии. И был добр огородник, вся овощь у него росла хорошо, ботун во все лето не приедали, даже и ко старицам носили и на зиму насаливали. Лук у него рос крупный и капуста тоже росла, хороши вилки и крупны, словом что умел ходить за огородом».

Но эта радостная для рачительного крестьянина картина вскоре сменяется страшными описаниями голода. Во время переселения из Кольванской тайги маленькая группа старцев, стариц и мирян вынуждена была после труднейшего зимнего пути почти в тысячу верст укрыться в тайном убежище вдали от жилья. Продовольствия у них было мало, но уговорились, что вскоре за ними заедет о. Антоний и направит их в другую промежуточную базу. Однако случилось так, что о. Антонию самому пришлось с трудом уходить от выслеживавших его властей, осторожности ради скрываться и от некоего «охотоведа, сажившего ондатров и соболей». Тем временем продукты в землянке о. Георгия кончались. Еще перед тем «6 месяцев ели мало хлеба с торфом». Теперь «60 дней жили без хлеба, из торфа с ягодами пекли лепешки и солену горячую воду пили». Была, правда, очень рискованная возможность: выйти за хлебом «в мир», где их, как оказалось, уже разыскивали. Но и не зная об этом, «о. Георгий говорил, что я хлеба ради не поеду в мир, лучше с голоду умереть, как пишет священнонок Дорофей в 10-м слове. Часто просил он нас прочесть это слово (писала позднее об этих страшных днях матушка Акинфа. — *Н. П.*), сам не умел, был неграмотен».

Вот уже три столетия в национальной нашей культуре чтится подвиг высокообразованной аристократки Феодосьи Прокофьевны Морозовой, принявшей голодную смерть, но не изменившей своим убеждениям. Подвиг о. Георгия затерялся в кровавом месиве наших десятилетий. Мы сумели сегодня прочесть лишь первые листы огромного фолианта — мартиролога XX столетия.

Умерший 30 марта 1939 г. о. Георгий был отпет остальными обитателями землянки, но похоронить его у них уже не хватило сил. Долгое время в соответствии с собственным предсказанием он был просто «загребен снегом», пока во время одной из последующих рискованных экспедиций о. Антония тот, сделав изрядный крюк, не похоронил о. Георгия по полному иноческому чину...

Второй умерла матушка Павлина. Удивительно ее предсмертное предсказание. Она пообещала оставшимся, что они еще «хлеба белого поедят», но потом настанет, к несчастью, «перелом в жизни». Патерик поведает, как на новом месте, освоенном изнурительным трудом, сбудутся эти слова.

Пустынники еще поедят белого хлеба, но далеко не сразу. На новом месте тоже сначала голод и тяжелый труд. «Тут хлеб стряпали напололам с гнилушкой, даже так случалось, что на один ковш муки гнилушки клали от трех ковшей и до пяти и квашню никогда не солили. И о вариве тоже скудно было, также и о одежде и обуви. А работа была тяжелая: раскарчевка пашен и постройка келий». Автор нашего столетия рисует традиционные картины русской земледельческой колонизации от Белого моря до Тихого океана, от Киевской Руси до наших дней.

При поддержке все тех же верных крестьянских семей в 1939–1940 гг. одолели и последний отрезок пути в три сотни верст.

Наконец, вдали от колхозов, не тревожимые властями, пустынники и миряне в суровом северном крае наладили новое хозяйство. О. Симеон сумел даже привезти сюда богатую скитскую библиотеку древних рукописей и старопечатных книг — около 500 томов и смог на новом месте продолжить двухвековую литературную традицию скита. Расселились просторно, мужские скиты построили по р. Дубчес, а женские — по притоку Дубчеса р. Теульчес. Ближе к «миру» — крестьянские заимки. И те и другие скиты постепенно делились на несколько частей; это делалось как из соображений безопасности², так и потому, что на Дубчесе продолжился процесс, отмечавшийся нами выше в Колыванской тайге, — по мере распространения насильственной коллективизации в скиты приходили новые крестьяне и крестьянки.

Таким образом, и на Дубчесе начала возрождаться система симбиоза, взаимопомощи и даже подчас взаимопроникновения скитов и мирских крестьянских поселений, о которой мы уже писали выше по судебным-следственным документам XVIII–XIX вв.

² Предосторожность оказалась нелишней — одному из маленьких скитов (м. Анатолии) удалось-таки уцелеть во время всех сталинских разгромов.

Но долго так продолжаться уже не могло. И то удивительно, что удалось выгадать более десяти лет вольной жизни на новом месте, когда дубчесские пустынники и крестьяне «пожиша в тишине и безмолвии». В начале 1951 г. скитские убежища были обнаружены властями как с самолета, так и благодаря усилиям местных чекистов. Сохранилось два ярких рассказа о последовавшем разгроме. Один из них принадлежит упоминавшемуся выше начитанному алтайскому крестьянину-староверу Иерону Алексеевичу Потанину (1914–1979), сопровождавшему пустынников с Парбига и активно помогавшему трудом всей своей семьи обустройству на новом месте; в своем литературном творчестве он старался копировать древнерусские образцы. О событиях 1951 г. он вспоминал в 1958 г. Второй рассказ принадлежит Афанасию Герасимовичу Мурачеву. Он записал его по нашей просьбе в 1991 г. Оба были арестованы карателями в 1951 г., но обоим удалось дерзкие побег с дороги. Впрочем, Иерон был захвачен снова. Дадим ему слово.

«В ночь на 23 марта 7459 года, в среду 4-я недели святого и великаго поста, неожиданно явился христианоненавистный полк безбожных варвар к жившим на Тогульчесе смиренным старикам, мно-

Слева направо: игуменьи Валентина (Вера Григорьевна Тюрина), Тавифа (Татьяна Михайловна Людиновскова), Флена (Татьяна Кондратьевна Шebarшина). Тюремное фото 1951 г.

гим уже почивающим, яко ночь бе. Сии варвари по указанию своего предводителя во вся проходы раступишася и окружиша, но никто же бе сопротивляясь или бежа куда, но вси смиренно пребываху во ужасе от незапного нашествия дикообразных во множестве варвар, не смеюще рещи какова-либо слова; мало последи несколько приидоша в чувство, начаша глаголати».

Вокруг захваченных избушек поставили круглосуточную стражу и поместили здесь главный штаб отряда. Уже на следующий день туда насильно доставили стариц соседнего скита матушки Флены, а скит со всеми книгами и иконами сожгли.

Карателям трудно было с проводниками. Иерон Алексеевич, несколько раз возвращаясь к этой теме, рассказывает, какими побоями и пытками заставляли пленных показывать путь. Многие захваченные крестьяне и не знали тайных дорожек к скитам, но «обретется таковой человек, глагола им: „Аще и вем ко старцем путь, но не поведу вас, да не буду предателем Церкви Христове“. В таковом исповедании гнаху его пред собою, биюще без милости палицами, премевающеся».

О весьма гнусных пытках и издевательствах, коим каратели подвергали захваченных в первых скитах, требуя показать путь к остальным, повествует и А. Г. Мурачев: раздетых старцев и крестьян впрягали в нарты, напоив крепчайшим раствором соли, привязывали к нартам за тайные уды и погоняли батогами и т. д. Не избежал пыток и сам Афанасий. Начальник отряда К. Сафронов, допрашивая его о местонахождении отцов Симеона и Антония, сначала избивал его «метровым бадогом», а потом придумал иное: «Он увидел — ремень висит на стене, и говорит: „Возми в руки ремень, продень конец в пряжку“. Я продел, и получилась петля. Он говорит: „Одень петлю на шею!“ Я тут ступовал, взял, сам одел. Он взял за конец, подвел меня к стене, а вверху была толстая деревянная спица. Он перекинул конец и стал меня подвешивать, дыхание стало спирать. Я вздымаюсь на дыбы, и он тоже подтегает покрепче. Когда дыхание стало останавливаться, тогда он ослабил и говорит: „А что же ты давишься?“ Я ответил: „Я ведь не сам давлюсь; сколько раньше римские мучители наших хрисятян перевешали и перерубили!“ Он снял петлю с шеи и хлестанул меня ремнем, и гворит: „Ищо что знаешь!“ И сказал: „Одевайсь!“ Я оделся, и он проводил меня глазами до места».

Невольные проводники пытались увести отряд карателей подальше от главного скита о. Симеона. Пленный и шедший вместе с этим отрядом Иерон рассказывает, что, к великому озлоблению начальников отряда, скит Симеона в тот день так и не нашли. Так прошел день пути, ночевали все прямо в тайге, на снегу. Но «во утрии 27 марта в понедельник 5 неделю поста, аще и не хотяще, обретшеса близ ста-

риц Валентины, направления пути ко старцем изменьше, сих миновахом, а ко старицам Валентине внезапно заидохом. Зде зверонравный отряд безбожных варвар много лютости показа, озлоблении неудачным походом к старцем, многих стариц напугаша, порядки свои поставиша, много наругавшеса над святынею, красоту церковную обнажиша».

Поставив стражу в ските для охраны захваченных стариц, отряд наутро отправился на дальнейшие поиски скита о. Симеона. Иерон рассказывает, как всех их нещадно избивали, требуя показать дорогу, как «вышепомянутый исповедник, пребывая непоколебим во своем исповедании, глаголаше: „Не иду предавать Церковь Христову с вами“, они ж бияху его палицами без милости, яро взирающе и кричаще убити глаголюще и всех нас, яко не ведем их». Кстати говоря, этим «неведомым исповедником» мог быть и сам автор рассказа, повествовавший о себе в третьем лице; законами древнерусской литературы такое вполне допускалось.

Иерон сообщает далее, что захваченные крестьяне снова и снова пытались увести отряд в ложном направлении, что между ними и конвоем, постоянно избивавшим проводников, все время разгорались споры, идти на юг или на север. Но в конце концов «Богу попустившу», и каратели увидели постройки скита. (Вспоминаются удивительно близкие рассказы о захвате старообрядческих скитов в первой половине XVIII в.)

Иерон продолжает: «Егда ж видеша обитания старцев безбожнии, тогда аки зверие дивии устремишася на них, един другаго погоняюще, со оружием на безоружных смиренных старцев наскочиша, ничто же таково чающих».

Карателям были известны имена руководителей общины, в том числе отцов Симеона и Антония. Но в лицо они никого не знали. Они стали требовать, чтобы пленные старцы назвали свои имена, но те по многовековой традиции отказывались это сделать. В конце концов, чтобы прекратить истязания всех захваченных, о. Антоний назвал сам. Симеон же находился тогда в ином месте — в отдельном тайнике, вырытом в земле и замаскированном так, что его невозможно было обнаружить даже вблизи. Но «обретеса таков человек, страха ради приводе их к дверем келий». Симеон тоже был захвачен и «1-го апреля в субботу акафистову в вечернее время» был под конвоем доставлен в основную обитель. Затем всех захваченных отправили в главную резиденцию отряда. Все постройки скита Симеона, где было «древних святых книг и икон великое множество», сожгли, как и другие скиты. Лишь «напрестольное Евангелие древней крупной печати и бисерныя ризы со святых икон содраша, с собою взяша». Было захвачено большое количество хлеба и другого продовольствия. Рань-

ше оно находилось во многих небольших тайниках. Но как раз накануне, прослышав о военной экспедиции, старцы и миряне свезли все продукты в одно место, чтобы разделить их между собой и бежать в разные стороны. Опоздали с этим побегом буквально на несколько часов, ведь нельзя было просто бросить книги и иконы. Да и хотели последний раз отслужить по этим книгам воскресную службу.

Подследственные игумены о. Симеон (Сафон Яковлевич Латтев – справа) и о. Антоний (Афанасий Михайлович Людиновсков). Тюремное фото 1951 г.

Так продолжали захватывать один скит за другим, каждый раз предавая огню «келии и всю святыню, книги, иконы». Подчас сжигали даже продукты. Не обошлось и без мародерства в скитах и крестьянских избах. Иерон вспоминает, что «многое безчинные воины женское празничное одеяние емляху». Весь скот был пригнан вместе с монахами в главную квартиру отряда. С таким трудом возникшее в суровых, безлюдных местах земледельческое поселение на глазах навсегда исчезало с лица нашей земли.

5 мая 19 мужчин и 41 женщина под конвоем были отправлены на плотях и вскоре попали во внутреннюю режимную тюрьму Красноярска. По суду прошло 33 человека, осужденных на разные сроки от 25 до 10 лет. О событиях этих по лагерным преданиям А. И. Солженицын рассказал в «Архипелаге ГУЛАГ»³. После смерти Сталина старoverы были амнистированы, но двое уже скончались в советских концлагерях.

³ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ // Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. М., 1991. Т. 7. С. 248.

Это были о. Симеон и м. Маргарита. Дубчесского игумена приговорили по знаменитым статьям 58–10 и 58–11 к 25 годам советского концлагеря и 5 годам поражения в правах. Его увезли на Тайшетскую пересылку, затем в зловещий Озерлаг. Здесь он перестал принимать казенную антихристову пищу, лишь изредка сам себе варил кашу, когда удавалось достать крупу. Затем он вообще перестал принимать «варево» и вскоре, как сообщает Патерик, «изнеможе телом и впаде в недуг, объят его опухоль, и помалу предаде дух свой Господеви». Дата его кончины точно неизвестна: Урало-Сибирский патерик называет 5 августа 1953 г., а официальная справка Озерлага — 20 августа 1954 г. В том же 1954 г. в лагере в Коми АССР скончалась м. Маргарита (пермская крестьянка Макрина Наумовна Коровина), приговоренная к 10 годам лагерей. Во втором томе патерика со слов ее поделъниц м. Акинфы и м. Тарсилы так описывается ее лагерная жизнь и кончина:

«Там, в женском лагере, в четвертом отделении, где мы находились, было около 3 000 человек, люди были разных вер. Тут мать Маргарита трудилась на обчих работах. В праздники не работала, аще и принуждаема бе, и наказуема тюремным заключением. Воздержашися от всяких плотских удовольствий, в баню мыться не хождаше. Вареве суп не вкушаше, зане с мясом бе, а принимаше хлеб точию, да кашу и малую часть рыбы, иноческий чин всегда имущи на себе.

И по некоем времени впаде в болезнь, боляше 12 дней, воспаление легких. Великое старание имяху врачи о ея исцелении, но ничто же успеха.

Она всегда собиралась домой и говорила определенно, что мы скоро все домой поедем, нас всех отпустят. Во время болезни все слышалось ей пение отцов и матерей.

Преставися в вечную жизнь месяца марта 21, в лето 7462 (1954), на субботу ночью. Память ей 19 июля. Лице ее было светлое, и когда средили ее в чин (одеди в монашеское одеяние.— *Н. П.*), тогда весело осклабися, и тако лежаше в веселом виде. Даже сама начальница лагеря сказала: „Весело пошла, видно, заработала“. Подобно сему и старейшая врачей докторица рекла: „я еще не видала таких покойников“. Когда она была вынесена в больничной коридор, где лежала полторы сутки, тогда тут множество людей к ней ходили и молились всяк по-своему, кто как мог, и целовали ея. Я им возбраняла это делать, потому что они с нами веры не одной, а они отвечали, что она ведь от сего не погрешит.

Зделали ей крест по прошению нашему, но неправильно, и мы попросили их поправить его по-христиански, и они поправили, и покрасили его, также и гроб покрасили желтой краской. А потом в вос-

кресение утром, когда повезли ее из больницы в саних, тогда многочисленный народ за ней пошел толпой до вахты, и тут так же люди у нее толпились, как и в больнице. И потом уже под вечер положили ее на машину, и народу столько сяло провожать ее, сколько могло вместиться. И тако увезоша ю на кладбище и погребоша и поставиша на могиле ея крест.

Воистину достойно удивления! Как прославляет Бог прославляющих Его, яко прослави рабу Свою, вдохнув такое благорасположенное чювство народу, еже почтити кончину ея. Сколько было тут умерших, и люди никого так не провожали, ни к кому не собирались и такой почести не приносили, но смотрели на них с отвращением, как на чюжных, странных и иноверных. Также и власти никого из них не почитали, кресты им делать не разрешали, но презирали их как осужденных. А здесь было наоборот, сердечною любовью как магнитом всех привлекало к ней. Также и власти почтили ее, разрешили сделать крест и окрасить, и говорили о ней достойные памяти слова, и позволили народу проводить ее на машине вопреки лагерному закону, по которому заключенные не имеют право выходить за вахту, только лишь на работу под стражей по назначению начальства.

В подтверждение сказанного приведем преподобного Феодора Студита, том 2, стран. 463, письмо 20, писано в 818 году к Ипатию о преподобном Иякове исповеднике: „Если, как ты прибавил, было многочисленно собрание при его погребении, и притом людей знатных обоего пола, то и это служит подтверждением сказания, ибо не было бы такого собрания к человеку незнатному по плоти, если бы не было указания Божияго“».

После смерти вождя всех народов уцелевших дубчесских пустынников и крестьян отпустили. Многие из них вскоре восстановили скиты в разных местах Восточной Сибири, в том числе и на Дубчесе вдали от пепелища 1951 г. Старейшинство воспринял о. Антоний, согласно легенде успевший получить на это благословение уже арестованного о. Симеона.

Когда каратели в 1951 г. сжигали богатейшую библиотеку скита (там точно были книги XVI в. печати Ивана Федорова и мы никогда не узнаем — какие еще шедевры русской национальной культуры!), арестованным, запертым в одном из сараев скита, удалось закопать там в землю первый том Патерика. Они не могли спасти огромные тома Священного писания и предания, но они спасали свою историю. Секрета этого и под пытками никто не выдал. Освобожденные пустынники откопали рукопись; когда горели постройки скита, огонь и под землей опалил несколько ее листов. Утраченные места восстановили, а затем дополнили первоначальный текст еще двумя томами.

Теперь работу эту возглавил о. Антоний, в ней активно участвовал один из самых грамотных старцев о. Ефрем (вятский крестьянин Ефим Григорьевич Котегов), Иерон Потанин, Афанасий Мурачев, сунгульские матушки и десятки других авторов.

История урало-енисейских скитов подтверждает удивительную живучесть в крестьянской среде важнейших традиций, входивших в базовые представления и ценности российского народа. Это традиции вольной колонизации обширнейших просторов родной страны, поддерживаемые скитской практикой пустынножительства, странноприимства, хозяйственного взаимодействия и взаимопомощи тайных лесных поселений — заимок и скитов — с соседними деревнями и селами. Это и народные традиции толкования текстов Священного писания и предания, объяснения с их помощью непростых, подчас бурных реалий своего времени.

* * *

Когда Афанасий Герасимович рассказал нам, что собирается писать в дополнение к первому тому Патерика главу, посвященную его другу Иерону Алексеевичу, скончавшемуся в 1979 г., я упросил его написать еще одну — об о. Палладии: он знал о нем, его жизни от нескольких общих знакомых — иноков и крестьян. Афанасий Герасимович исполнил в 1991 г. нашу просьбу, и его рукопись этой части Патерика легла на железные полки хранилища древних книг Института истории Сибирского отделения Академии наук. Так для меня замкнулся круг, начатый в далеком 1966 г. на красивой поляне близ скриптория, где я впервые увидел его хозяина в черном монашеском одеянии с красным кантом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судьбы книг и людские судьбы тесно переплелись в непридуманных историях, изложенных выше. Рассказы о древних книгах — это неизбежно рассказы о людях, тех, кто их создавал, переписывал, или тех, о жизни которых повествуется на книжных страницах. Тех, кто бережно хранил громоздкие тяжелые фолианты или кто их активно выискивал, чтобы приобщить новое вещественное доказательство к делу о «злонамеренном направлении мыслей», одному из многих дел, создававшихся когда-то из переплетения доносов, следственных протоколов, экспертизы инквизиторов, рапортов экзекуторов, а ныне лежащих на архивных полках фондов Сената и Синода, Аудиториата и Тайной канцелярии, Политбюро и ВЧК. Конечно, жизнь пошла в конце концов не путями Ефрема Сибиряка и Владимира Трегубова, оставив в стороне рецепты борьбы с социальным злом, проповедовавшиеся в их бичующих сочинениях. Но карательные столпы абсолютизма и большевизма недаром выискивали и искореняли с таким усердием эти тома.

Книга — памятник борьбы идей. Не только того времени, когда она создавалась, но и последующих столетий, когда ее хранили, читали, переписывали. Сочинения Максима Грека, как и рассказ о суде над ним, станут крайне актуальными в конце XVI в., когда составлялся Сибирский сборник, затем опять в конце XVII в., когда найдутся люди, фальсифицирующие тексты Афонца и другие, разоблачающие подлог. А на исходе петровского времени втайне от Синода на севере будет создано новое собрание сочинений ученика Савонаролы, и списки его дорогами крестьянской миграции и скрытыми тропами побега широко разойдутся по всей стране. И там, где на первый невнимательный взгляд многим видится лишь слепой традиционализм, отрицающий любую иную культуру, неоспоримые книжные свидетельства продемонстрируют широко раскинувшиеся в пространстве и времени культурные связи. Уход в демократическую среду со второй половины XVII в. большого массива древних книг приобщает эту среду к классическому наследию древнерусской литературы с ее переплетением межнациональных связей. Учительный, нравоучительный характер этой литературы великих проблем был близок книжникам из народа; в то же время он был воспринят и развит классической русской литературой XIX столетия, что созда-

вало одну из тенденций к общенациональному культурному единству вопреки тому разрыву между культурой верхов и низов, о котором был наш рассказ про Владимира Трегубова.

Широкое бытование древнерусской книги в народной среде — осязаемое, весомое свидетельство (отягченные рюкзаками плечи удачливых археографов не раз ощущали эту весомость) непрерывности историко-культурного процесса. Этот вещественный аргумент, эта овецищенная духовность столетий — живой укор всем тем, кто сегодня повторяет нелепые, но не безвредные рассказы об «интеллектуальном молчании» Руси допетровской, о темной восточной массе, противостоящей западной цивилизации. Книги прошлых веков говорят нам не о темноте и не о противостоянии (см. рис. 35 на цв. вклейке).

Из маленького охотничьего поселка близ Полярного круга, основанного когда-то единомышленниками Владимира Трегубова, бежавшими из мира антихриста, был привезен древний фолиант с рассказами о Демосфене и Аристофане, о Ромуле и Александре Македонском, об открытии Колумбом Нового света (см. рис. 36 на цв. вклейке).

На одной из приобретенных сибирскими археографами русских нотных рукописей XVI в. (система нотации этой книги еще не поддается расшифровке) — едва различимая запись о том, что книга была куплена «в Якуцком остроге на великой реке Лене в лето 7156» (1647–1648 гг.), уже через несколько лет после основания Якутска. Книги проникали в Сибирь с первой же волной землепроходцев. Мне приходилось, например, видеть владельческую запись одного из сподвижников Ерофея Хабарова — Василия Паламошного. Он сделал ее характерным крупным полууставом на листах книги, незадолго до того изданной в Москве.

Тысячи и тысячи древних книг, найденных в русских деревнях не только коллегами Андрея Ивановича Ушакова и митрополита Сильвестра, но и учеными коллекционерами разных столетий от предшественников Василия Никитича Татищева до последователей Владимира Ивановича Малышева, свидетельствуют, что деревня эта была куда более «книжной», чем подчас думают. И в первую очередь — деревня севера и востока страны, где не было крепостного права. Хранение книг в этой среде — отнюдь не признак неподвижности и застоя, преданности неизменному идеалу: мы видели, как к старым авторитетным текстам прибегали в самых разных жизненных ситуациях, осмысливая их каждый раз по-новому; приписываемые Кириллу Иерусалимскому слова по-разному звучали на шумном сборище руководителей Тарского бунта 1722 г. и в тиши алтайского тайника Владимира Трегубова. Да и сам термин «хранение» предполагал здесь

отнюдь не пассивность, а предельно активную каждодневную изобретательность, крестьянскую практическую сметку, чуть прикрытую для постороннего глаза простоватой внешностью «невежественных пейзажей», которым в конце концов удалось спасти бесценные сокровища древней письменности от экзекуционных команд «просвещенного абсолютизма» и синодальных экспертов, приказавших, например, сжечь богатые тарские собрания книг.

Но в нашем столетии есть сила, действующая опустошительнее всех пожаров и методичнее всех экзекуторов былых веков, — это стихия наживы, частный спекулянт-перекупщик старины. Поэтому сохранение книг в той среде, где их так долго успешно берегли, зачастую равнозначно неминуемой гибели их для общества. И наиболее надежное место для всех древних фолиантов — полки государственных хранилищ, где их листов будут касаться руки тех, кто знает и ценит их, кто сумеет заставить звучать сегодня строки, столетия назад доверенные пергаменту и бумаге. Не всегда просто объяснить эту истину в семьях, где из поколения в поколение передавался наказ беречь и хранить древние фолианты пуще собственной жизни. Но тысячи древних томов, ставших за последние годы на библиотечные полки в археографических центрах страны, показывают, что во многих таких семьях эту истину понимают, видят общенародное значение сохранившихся у них культурных богатств.

И поэтому самым логичным завершением этой книги рассказов о древних рукописях будет слово теплой признательности тем хранителям старых фолиантов, с которыми свели нас дороги археографического поиска и у которых хватило великодушия понять, что в наш век место их сокровищам не в крестьянских избах и таежных заимках, а в общественных хранилищах. Это и благодарность поколениям их потомков — очень часто безвестных, несмотря на усилия историков, но ушедших из жизни с сознанием причастности к сбережению истоков национальной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 15. *...представители старинных кержацких...* — общеизвестное наименование сибирских старожилов кержаками происходит от названия р. Керженец (сами кержаки называют ее Кержь), впадающей слева в Волгу ниже г. Нижний Новгород. В петровское время в керженских лесах скрывалось от церковных и правительственных преследований около 150 тысяч старообрядцев. После разгрома этого центра толпы беглецов устремились в начале 1720-х гг. на восток.

С. 16. *...о сравнительных достоинствах теорий чувственного и духовного прихода антихриста на землю...* — согласно первой из них, антихрист, как и учит Церковь, воплотится на земле, приняв человеческий облик. Но в отличие от официальной церковной теории многие старообрядцы считали, что это воплощение уже произошло и антихрист принял облик кого-то из русских царей. По второй теории, «воцарение антихриста» — это победа на земле сил зла, происшедшая в России в 1666 г. В рамках обеих теорий были как весьма радикальные антимонархические концепции, так и крайне умеренные.

С. 16. *...других согласий.* — Старообрядческие согласия: пестрый мир староверия делится на два основных направления — поповщина и беспоповщина. Если беспоповцы считали, что после никоновских реформ и победы в России духа зла, антихриста, «священство улетело на небо», то в поповщине были попы, перебежавшие к старообрядцам из официальной церкви («беглопоповщина»). В 1846–1847 гг. в Белой Кринице, бывшей тогда на территории Австро-Венгрии, возник старообрядческий епископат и в изобилии стали появляться собственные священники, поставленные старообрядческими епископами («белокриницкая иерархия», «австрийское согласие»).

На востоке страны главным согласием поповщины было «часовенное», названное так потому, что основными культовыми зданиями в нем были часовни. Согласие это называлось также «софонтиевским», по имени керженского деятеля, основавшего его. В XVIII в. отношение софонтиевцев к Церкви и монархии постепенно радикализуется, прием беглых попов официальной церкви сокращается, а в 1840 г. прекращается совсем, согласие на практике становится беспоповским. Софонтиевцы в XVIII в. организовали ряд крупных выступлений за свободу своей веры, и их преследовали особенно жестоко.

Из беспоповских согласий наиболее значительным на востоке страны было «поморское», центр которого находился на р. Выг в Поморье. Начав с категорического непризнания не только Церкви, но и императорской власти, выговские идеологи постепенно перешли в XVIII в. на более умеренные позиции, что явилось одной из причин выделения из поморского согласия

более радикальных крестьянских деятелей, создававших свои организации. Подобным образом в конце XVIII в. в недрах радикальной беспоповщины возникло бегунское согласие (основатель — беглый солдат Евфимий), предельно враждебное самодержавному государству и официальной Церкви, провозгласившее бегство из царства зла, бегство от подушной подати, рекрутчины и крепостничества главным догматом веры.

С. 115. *Но он не решается открыто сказать на суде об ошибке в русском тексте главного догматического документа православия...* — принятый в IV в. на никейском и константинопольском соборах Символ веры содержал краткую формулировку основных догм христианства. Сделанная Максимом Греком правка канонического в русской Церкви текста Символа веры, осужденная в 1531 г. как еретическая, была в ходе церковной реформы 1652–1667 гг. признана справедливой и внесена в текст. Отвергшие реформу старообрядцы категорически не хотят верить, что почитаемый ими Максим Грек был инициатором этого исправления.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. С. Лихачев. АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ СИБИРИ</i>	3
<i>Глава 1. СКРИПТОРИЙ</i>	10
<i>Глава 2. КРЕСТЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ МИРОН ГАЛАНИН И ХОЛОП МАКСИМ</i>	40
<i>Глава 3. ИСТОРИОГРАФ ТАТИЩЕВ И УРАЛЬСКИЕ КЕРЖАКИ</i>	62
<i>Глава 4. МАКСИМ ГРЕК</i>	78
<i>Глава 5. КНИЖНЫЕ РЕЕСТРЫ ТАРСКОГО БУНТА 1722 г.</i>	122
<i>Глава 6. «ВОЛХИТНЫЕ КНИЖКИ»</i>	156
<i>Глава 7. КРЕСТЬЯНСКАЯ БИОГРАФИЯ</i>	188
<i>Глава 8. СКВОЗЬ СТРОЙ</i>	206
<i>Глава 9. ИНДИКОПЛОВ НА АЛТАЕ</i>	282
<i>Глава 10. ЕНАФЬЯ</i>	306
<i>Глава 11. ПАТЕРИК</i>	312
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	335
ПРИМЕЧАНИЯ	338

Издательский дом «Сова»

Вышли из печати

Гончаров Ю. М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX — начало XX в.). 2004.

Книга описывает повседневную жизнь горожан Сибири второй половины XIX — начала XX в. Живой язык, многочисленные примеры, богатый иллюстративный материал позволяют читателю ярко представить быт городских жителей того времени. Автор рассматривает различные стороны жизни горожан — их социально-правовое положение, состав и численность городского населения, занятия и доходы горожан, а также облик и благоустройство сибирских городов, жилища, одежды, питания, досуг и развлечения горожан региона.

Книга представляет несомненный интерес для широкого круга читателей, интересующихся историей Сибири.

Шиловский М. В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г. Н. Потанин: Биографический очерк. 2004.

В монографии рассматриваются основные вехи жизненного пути выдающегося ученого и общественного деятеля Г. Н. Потанина (1835–1920), его вклад в комплексное изучение Центральной Азии (Сибирь, Казахстан, Монголия и Китай) в различных областях науки: географии, фольклористики, этнографии, истории, ботаники и т. д. Особое внимание обращается на концептуальные подходы выдающегося путешественника, вызвавшие многочисленные споры и неоднозначно воспринимаемые научным сообществом в настоящее время. Значительное место отводится анализу роли Г. Н. Потанина в общественно-политической и культурной жизни Сибири второй половины XIX — начала XX в. как идеолога сибирского областничества, впервые в истории России сформулировавшего основные подходы к обоснованию регионоведения.

Книга предназначена для всех интересующихся географическими открытиями в Центральной Азии и историей Сибири XIX — начала XX в.

Вишневский Е. В. Искушение океаном. Очерки морского путешествия на научно-исследовательском судне. 2004.

Книга путевых очерков о путешествии международной экспедиции по исследованию юго-западной части Тихого океана на борту научно-исследовательского судна «Академик А. Несмеянов». В ней описывается природа экзотических стран, обычаи живущих там людей, карабельный быт и работа исследователей.

Книга представляет интерес для любителей литературы о путешествиях.

Записка о Тобольской казенной палате / Авторы вступит. статьи: В. Е. Зубов, А. К. Кириллов. 2005.

Настоящая документальная публикация полностью посвящена одному документу, извлеченному из фондов Государственного архива г. Тобольска. «Записка о положении Тобольской казенной палаты» дает срез работы государственного финансового управления на губернском уровне на начало 1870-х годов. Подробнейшее описание, составленное самим начальником Палаты, помогает увидеть работу данного органа «изнутри», оценить логику действия и основные проблемы государственного аппарата на данном уровне. В то же вре-

мя «Записка» дает материал для изучения тех тем, которые относились к сфере деятельности казенной палаты, прежде всего — налоговой отрасли. При этом материал, относящийся ко всей России, сочетается в «Записке» с освещением сибирских особенностей.

Публикация документа предваряется вступительной статьей, помогающей включить материал «Записки» в контекст исторического развития системы сибирских органов государственной власти. Во вступительной статье дается также обзор налоговой системы, являвшейся основной сферой деятельности Палаты.

Книга предназначена для специалистов — историков, юристов.

Ананьев Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. 2005.

В книге впервые предметом специального изучения стала история одного из важнейших элементов административной системы Сибири XVIII в. — воеводского управления. Возникнув и утвердившись в период зарождения и складывания абсолютной монархии, органы воеводского управления, объединявшие в себе военные, судебные, финансово-хозяйственные функции, пережили эпоху преобразований Петра I и просуществовали до начала 1780-х гг.

Работа написана на основе изучения преимущественно нового архивного материала — документов местных учреждений Сибири XVIII в., хранящихся в Российском государственном архиве древних актов.

В книге анализируются принципы и фактический порядок взаимодействия сибирских воеводских учреждений с центральными и местными органами; рассматривается внутренняя организация работы органов воеводского управления; характеризуются изменения в личном составе сибирских воевод и впервые подробно рассматривается состав приказных служащих воеводских канцелярий; освещаются основные направления управления и конкретное содержание службы воевод в условиях Сибири XVIII в.

Книга предназначена для историков, а также для всех интересующихся историей Сибири.

В. Н. Скалон. Русские землепроходцы XVII века в Сибири. 2-е изд. 2005.

Книга В. Н. Скалона посвящена биографиям русских людей, которые открывали и присоединяли сибирские земли к России в XVII в. Среди землепроходцев были первые географы, наносившие на карту Сибири новые названия рек и гор, первые рудознатоцы, открывшие такие несметные народные богатства как уголь, нефть, золото, первые «травники», описавшие лечебные свойства сибирских трав, первые знатоки животного мира, оставившие нам свои наблюдения и описания зверей и птиц.

Книга В. Н. Скалона — классика сибирской исторической литературы, в ее основе лежит огромный библиографический материал, блестяще обобщенный и проанализированный автором.

Предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой Сибири, а также для специалистов различных областей знаний.

Деловая элита старой Сибири: Исторические очерки. 2005.

Книга посвящена истории крупнейших предпринимательских фамилий Томской губернии. Томская губерния до 1917 г. относилась к числу наиболее развитых в социально-экономическом и культурном отношении регионов Сибири и включала в себя современный Алтайский край, Новосибирскую, Томскую, Кемеровскую области, республику Алтай и часть Восточно-Казахстанской области республики Казахстан. В книге даны подробные биографии крупнейших торговцев и промышленников Томска, Барнаула, Новоиколаевска, Бийска, Колывани, Каин-

ска, Камня, описана их предпринимательская, общественная, культурная, благотворительная деятельность.

Книга опирается на серьезную источниковую базу сибирских и центральных архивов. Многие из сведений вводятся в научный оборот впервые.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой Сибири, а также для специалистов-историков.

ГОТОВИТСЯ К ВЫПУСКУ

Власть в Сибири.

Энциклопедия по истории купечества и предпринимательства Сибири, охватывающая период с XVII по начало XX века, яв

Краткая энциклопедия по истории купечества и предпринимательства в Сибири (XVII — начало XX в.). 2-е изд., перераб. и доп.

Энциклопедия по истории купечества и предпринимательства Сибири, охватывающая период с XVII по начало XX века, является трудом большого числа ведущих ученых Сибири. В издании отражено многообразие процессов становления и развития наиболее крупных купеческих династий региона, показан их вклад не только в экономику края, но и их роль в истории сибирской культуры, общественной жизни, управлении, благотворительности. В Энциклопедии также дана характеристика наиболее известных представителей сибирского капитала.

Издание основывается на обширной источниковой и библиографической базе. Энциклопедия снабжена многочисленным иллюстративным материалом.

Издание предназначено как для специалистов, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой сибирского региона.

Николай Николаевич Покровский

Путешествие за редкими книгами

Художник *Ю. А. Далецкая*
Корректоры *Е. В. Панкратова, И. А. Шишулина*
Технический редактор *Н. Р. Наташина*

Подписано в печать 01.06.05. Формат 70x100¹/₁₆
Гарнитура GaramondC. Уч.-изд. л. 16,5. Усл. печ. л. 30,0.
Заказ № 11-05.

Тираж 500.

Издательский дом «Сова»
630060, Новосибирск, 60, а/я 58.
Тел./факс: (383-2) 32-48-45
E-mail: id_sova@mail.ru

Типография ИД «Сова»
630060, Новосибирск, 60, Зеленая Горка, 1.